

Asian Journal of Social and Human Sciences

Has been issued since 2016.
E-ISSN 2500-3763
2018, 3(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Goswami Sribas – Serampore College, West Bengal, India (Editor in Chief)

Lysenko Yuliya – Altai State University, Barnaul, Russian Federation (Deputy Editor in Chief)

Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Kozhukharov Asen – Nikola Vaptsarov Naval Academy, Varna, Bulgaria

Mtchedlishvili Diana – Iakob Gogebashvili Telavi State University, Telavi, Georgia

Oesterdiekhoff Georg – Karlsruhe Institute for Technology, Germany

Saktaganova Zauresh – Karaganda State University named on E.A.Buketov, Karaganda, Kazakhstan

Sarfo Jacob Owusu – KAD International, Ghana

Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russian Federation

Zhanbosinova Albina – S.Amanzholov East Kazakhstan state University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Journal is indexed by: CrossRef, OAJI

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovak Republic, 831 04

Release date 16.12.18

Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal45.com/>
E-mail: aphr2010@mail.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o. Order № 4.

Asian Journal of Social and Human Sciences

2018

Is.

1

C O N T E N T S

Articles and Statements

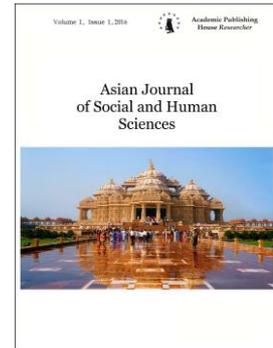
Relationship between Alash-Orda and the White Guard Movement in 1918–1919: from Cooperation to Confrontation I.V. Anisimova	3
The Features of the Activities of the Kyrgyz Orthodox Missions of the Steppe Region and Turkestan (80's of the XIXth and the beginning of the XXth centuries) Y.A. Lysenko	13

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Asian Journal of Social and Human Sciences
Has been issued since 2016.
E-ISSN 2500-3763
2018, 3(1): 3-12

DOI: 10.13187/ajshs.2018.3.3
www.ejournal45.com

Articles and Statements

Relationship between Alash-Orda and the White Guard Movement in 1918–1919: from Cooperation to Confrontation

Inna V. Anisimova ^{a, *}

^a Altai State University, Russian Federation

Abstract

The article presents an analysis of the participation of Alash - Orda in the events of the Civil War in 1918-1922 through the prism of its relationship with the White Guard movement. The October events of 1917 and the coming to power of the Bolsheviks were carefully met by Alash people, and the Soviet model of the state did not meet their requirements of national-cultural autonomy. In this context the leaders of Alash-Orda collaborated with the White Guard movement, represented by the Provisional Siberian Government, the Samara Committee of the Members of the All-Russian Constituent Assembly, the Ufa Directory. Alash people together with White Guard detachments took an active part in the military operations against the Bolsheviks. However, none of the White Guard governments ever officially recognized the autonomy of the Kazakhs. The Coming to power of All-Russian Government, headed by Kolchak and his ideas about great-power Russia recovery, resulted in the elimination of regional autonomies. This fact significantly affected further fate of Alash-Orda and finally led to recognition the Soviet power by Alash people.

Keywords: Alash-Orda, revolution, civil war, national – territorial autonomy, Russia, Steppe Krai, the White Guard movement.

1. Введение

Революции 1917 г. и Гражданская война 1918–1922 гг. стали важным и сложным периодом российской истории, когда особую актуальность приобрел национальный вопрос. Кризис и крах имперской идеологии был воспринят этноэлитами России как возможность для культурного и политического самоопределения, что привело к активному становлению национального движения в бывших имперских окраинах. Так, в Степном крае во главе с казахской национальной интеллигенцией возникло движение Алаш, чьи программные установки были близки идеологической платформе российской партии кадетов. Однако, приход к власти большевиков и предложенная ими модель национально-государственного устройства во многом шла в разрез с представлениями алашевцев о будущем страны и их стремлении к обретению национально-территориальной автономии. Во многом поэтому алашевцы стали искать поддержки у белогвардейского движения. Но и сотрудничество с белогвардейскими правительствами не привело к реализации автономистских планов Алаш. В связи с этим, изучение основных направлений взаимодействия Алаш-Орды с

---

* Corresponding author
E-mail addresses: iva0410@mail.ru (I.V. Anisimova)

белогвардейским движением, выявление целей и результатов сотрудничества, определение роли Алаш в событиях Гражданской войны представляет научную значимость.

2. Материалы и методы

Исследование носит конкретно-исторический характер и опирается на широкий круг документальных источников, опубликованных в сборниках документов и материалов (Алаш-Орда, 1992; Гражданская война, 2014; Иностранная интервенция, 1963; Этнополитические и этносоциальные процессы, 2016). Особое значение представляет делопроизводственная документация, в том числе, переписка представителей Алаш-орды с Временным сибирским правительством, документы о формировании воинских алашских частей и их участия в военных действиях в регионе, решения съездов Алаш. Комплекс документов раскрывает позицию правительства Колчака в решении национального вопроса. В исследовании реализуется принцип историзма, способствующий провести объективный анализ изучаемого явления. Научный инструментарий исследования представлен общеисторическими методами: историко-сравнительным, историко-генетическим, историко-типологическим.

3. Обсуждение

Историография Гражданской войны 1918–1922 гг. в России является актуальной темой и представлена широким кругом исследований. Значительный фактологический материал накоплен советской историографией (Спирин, 1968; Иоффе, 1986; Нурпеисов, 1987), оценки которой в ряде случаев требуют критического осмысления. При этом, согласимся с мнением одного из ведущих исследователей проблематики Ю.А. Полякова, что «Гражданская война – это крупнейшая драма XX столетия <...>, это длившаяся около 6 лет вооруженная борьба между различными группами населения, имевшая в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия» (Поляков, 1990, 1992). Сегодня ученые пытаются найти новые подходы к изучению сложных событий данного периода, применяют методологические подходы политической конфликтологии (Посадский, 2002), исходят из принципов, положенных в основу изучения «психологии войны» (Дроков, 2009) и т.д. В историографии Гражданской войны присутствует и региональный подход. Так, значительное внимание уделяется развитию Гражданской войны в Сибири (Гудошников, 1959; Шиловский, 2003; Сушко, 2008; Симонов, 2010).

В меньшей степени представлены исследования, связанные с анализом событий Революций 1917 г. и Гражданской войны в центральноазиатских национальных окраинах, хотя в последние годы интерес к данной проблематике возрастает (Анисимова, 2017; Этнополитические процессы, 2017; Lysenko et al., 2017) Наиболее изученной темой является история движения Алаш (Аманжолова, 2009; Жанбосинова, 2013; Кадырбаев, 2013; Саблин, 2017). Подчеркивается, что алашевские военные части принимали активное участие в событиях Гражданской войны в регионе, но, добиваясь национальной автономии в составе России, не выдвигали сепаратистских лозунгов, подрывающих целостность Российского государства. Современная казахстанская историография трактует идеологию движения Алаш как национальную идею современной Республики Казахстан (Сулейменова, 2017).

Из комплекса вопросов, связанных с взаимодействием Алаш-Орды и белогвардейцев в годы Гражданской войны наиболее изученным является сотрудничество казахского национального движения и Временного сибирского правительства (Аманжолова, 2015; Селиверстов, 2008; Шишкин, 2011). Несмотря на идейную близость, причины расхождения двух автономистских движений, по мнению исследователей, заключались в различиях в системах политических ценностей, на которые они ориентировались, и, прежде всего, в национальном вопросе, который для Алаш-Орды находился на первом месте. В целом, анализ историографии позволяет утверждать, что история взаимодействия Алаш-Орды и белогвардейского движения в 1918–1919 гг. является малоисследованной темой, что актуализирует данную работу.

4. Результаты

Гражданская война в России явилась закономерным итогом революционного кризиса, поразившего страну в начале XX в. Развитие страны после Февраля 1917 г. пошло по линии

нарастания напряженности, усиления противостояния. Политическая и психологическая вражда усиливалась (Поляков, 1992: 36). Но в то же время, февральская революция открыла большие возможности и перспективы для многонационального государства, народы которого стремились к свободе и равноправию. События февраля 1917 г. выступили стимулом для развития национальных идей и оформления национально-политических движений и партий. В Степном крае выразителем национальной идеи стала партия Алаш, которая предложила свое видение роли и места Казахстана в составе России. Разрешение национального вопроса партия Алаш видела в процессе образования казахской национально-территориальной автономии. Впервые эта идея была высказана на II «общекиргизском» съезде, проходившем в декабре 1917 г. в Оренбурге, организаторами которого выступили лидеры партии Алаш (Алаш-Орда, 1992: 62-75). Съезд стал определяющим в формировании идеи о создании национально-территориальной автономии казахов. В протоколе заседания съезда подчеркивалось, что «анархия волна за волной заметает большие города и деревни по всему государству, анархия растет с каждым днем и угрожает распространиться на территории тех областей, где живут казак-киргизы, анархия угрожает опасностью жизни и имуществу населения областей казак-киргизского народа, что единственным выходом из создавшегося трудного положения является организация твердой власти, которую признавало бы все население казак-киргизских областей» (Алаш-Орда, 1992: 68-69). Именно стремление защитить народ в условиях анархии и разворачивающейся гражданской войны и стало, по мнению Д.А. Аманжоловой, причиной образования автономии (Аманжолова, 2013: 24).

Результатом обсуждения тяжелой политической и экономической ситуации, сложившейся в регионе, стало принятие съездом решения об образовании территориально-национальной автономии «Алаш». Предполагалось, что алашская автономия охватит значительную территорию: от Туркестана до Алтайской губернии (Этнополитические и этносоциальные процессы, 2016: 212-214). Алаш-Орде предоставлялись достаточно широкие полномочия. Так, согласно постановлению съезда вся исполнительная власть и решение финансовых вопросов переходило в руки Алаш-Орды, формировалась народная милиция Алаш, национальный фонд. В функции Алаш-Орды входила организации и проведение выборов в Учредительное собрание автономии. Однако, важно подчеркнуть, что и на декабрьском съезде 1917 г. и в решениях последующих заседаний народного совета Алаш-Орда весной 1918 г. алашординцы не высказывались за разделение единого государства. Будущее казахской автономии они видели в составе демократической федеративной России, отмечали необходимость обеспечения национального равноправия в стране и поддерживали идею о необходимости созыва всероссийского учредительного собрания, компетенцией которого будет утверждение разработанной конституции автономии Алаш. При этом, согласимся с мнением исследователей, что представления о типе национально-государственного образования казахов, его месте в рамках евразийского геополитического пространства, объединяемого Российской империей и после ее развала, полномочиях и статусе складывались у лидеров Алаш по мере развития политической ситуации и под ее воздействием (Аманжолова, 2016: 221)

Приход к власти большевиков осенью 1917 г. был воспринят Алаш-Ордой неоднозначно. В целом, идеи советизации не нашли поддержки у казахской национальной интеллигенции. В то же время лидерами Алаш признавалась невозможность выхода казахов из политической жизни России, что и обусловило поиск идейных союзников в среде белогвардейского движения. По мнению ряда исследователей, для лидеров партии «Алаш» «приоритетное значение в непростых условиях 1917 г. имело взаимодействие казахских земель с Сибирской автономией» (Селиверстов, 2008: 23; Жанбосинова, 2013: 26). Уже в январе 1918 г. Областной казахский комитет постановил признать Временное сибирское правительство, образованное в Томске, высшей властью Сибири. При этом подчеркивалось, что после провозглашения в ближайшем будущем казахской автономии правительство последней «войдет в сношение с правительством автономной Сибири для дальнейших взаимоотношений» (Этнополитические и этносоциальные процессы, 2016: 222-223).

Развернувшаяся гражданская война обострила противостояние политических сил в регионе. Отстаивая идею национальной автономии, алашские отряды совместно с белогвардейскими частями приняли активное участие в военных действиях, направленных

против большевиков. Так, в мае 1918 г. в Джамбейте состоялся съезд западного отделения Алаш-Орды с целью «выработки мер борьбы с большевиками». После съезда правительство западного отделения Алаш-Орды официально заключило договор с уральскими белоказаками о взаимной поддержке в борьбе с большевиками. Войсковым съездом Уральского белоказачьего войска было принято решение «приветствовать областной киргизский съезд и его правительство и киргизский народ по поводу вступления его в согласие с казаками на путь открытой решительной борьбы с большевиками, поставившими на край гибели Центральную Россию и добравшимися со своей разлагающей работой до окраин» (*Иностранная интервенция, 1963: 31*). Летом 1918 г. в Кустанайском уезде был сформирован первый казахский конный полк, который находился в распоряжении командира Отдельного Уральского корпуса. Алашординские отряды принимали участие и в захвате атаманом Дутовым в июле 1918 г. г. Оренбурга.

Однако, несмотря на активную антибольшевистскую деятельность алашских отрядов, Временное Сибирское правительство настороженно относилось к Алаш Орде, и не выступило с поддержкой идеи о предоставлении казахам национально-территориальной автономии. В июле 1918 г. уполномоченный Алаш-орды А. Ермеков обратился к Совету министров Временного сибирского правительства с предложением по подготовке соглашения о взаимопомощи. В своем обращении Ермеков резко высказывался в адрес большевиков, характеризуя их, как «насильников народа». Основная идея обращения алашординцев заключалась в стремлении получить признание и поддержку территориально-национальной автономии Алаш со стороны Сибирского правительства. При этом лидеры Алаш исходили из представления о необходимости координации совместных усилий и неделимости автономных областей России, подчеркивая, что «автономные области, безусловно, должны сплотиться в грозный час, столкнуться и найти общий язык». В свою очередь, Алаш-Орда обещала Временному сибирскому правительству всемерную поддержку (*Этнополитические и этносоциальные процессы, 2016: 230-231*). Обращение Е. Ермекова было рассмотрено на заседании Совета министров Временного Сибирского правительства 15 июля 1918 г., где было решено пригласить представителя Всекиргизского народного совета Алаш на заседание Совета министров для детального выяснения вопросов (*Шишкин, 2011: 110-123*). Однако, на заседании комиссии по рассмотрению записки представителей Алаш-Орды, которое состоялось в конце июля 1918 г. планы алашевцев не были реализованы. Комиссия, в целом признавая важность сотрудничества, предложила свой проект соглашения, который исключал пункты о взаимном признании автономий и вопрос о займе и финансовой поддержке Алаш (*Этнополитические процессы, 2017: 254*).

При этом, в среде самого Сибирского правительства наблюдались серьезные разногласия. В частности, заведующий Отделом колонизации Министерства земледелия и колонизации А.М. Ярмош, отмечая, что в проекте соглашения «остается невыясненной природа политического устройства киргизского народа и сущность государственно-правовых отношений его к российской государственности и автономной Сибири <...>. Такая неопределенность взаимоотношений, несмотря на те наилучшие стремления, которыми в данное время одушевлены обе договаривающиеся стороны, в ближайшем будущем может создать, по самым разнообразным поводам, предусмотреть которые ныне никакими соглашениями нельзя, острое и опасное положение для обеих сторон», не поддержал предложенное соглашение (*Этнополитические и этносоциальные процессы, 2016: 273*). Можно отметить, что и в среде алашевцев не было единодушия. Так, председатель Семипалатинской облземуправы Р. Марсеков в служебной беседе с областным комиссаром в сентябре 1918 г. заявил, что «Алаш-Орда, а, следовательно, и он, как член ее, Сибирского правительства не признает, а признает лишь Самарское – Комитет членов Учредительного собрания и что если он, Марсеков, и подчиняется распоряжениям Сибирского правительства, то лишь как председатель облземуправы» (*Этнополитические и этносоциальные процессы, 2016: 274*). Согласимся с мнением исследователей, что «противоречия между ВСП и Алаш Ордой были заложены изначально, ввиду совершенно разного менталитета, политических идей и политического инструментария для достижения цели» (*Жанбосинова, 2013: 37*). В результате, несмотря на идейную близость, взаимодействия между Временным сибирским правительством и Алаш-Ордой не сложились.

В связи с этим, представители Алаш-Орды обращают свое внимание в сторону организованного в июне 1918 г. самарского правительства – Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (КОМУЧ), от которого уже в августе получили признание территориально-национальной автономии ([Этнополитические и этносоциальные процессы, 2016: 273](#)). Однако, уже осенью 1918 г. Комитет подчеркнул временное признание автономии Алаш, подтверждая, что каждой из населяющих Россию народностей будут гарантированы условия «самостоятельной автономно-творческой деятельности». Но, реализация автономных прав, по представлению Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, будет возможна после утверждения их Всероссийским учредительным собранием. Признание временного характера казахской автономии позволило Комитету изъять из компетенции Алаш-Орды ряд существенных вопросов, подчеркивая, что «дела, относящиеся к сфере компетенции ведомств – военного, иностранных дел, путей сообщения и почт и телеграфа общегосударственного значения, а также мероприятия общегосударственного характера по вопросам снабжения и продовольствия, – оставались в ведении центральной власти, а до создания ее – в ведении комитета членов Всероссийского Учредительного собрания» ([Гражданская война, 2014: 165-166](#)).

Сложно складывались отношения Алаш-Орды и с Всероссийским правительством, созданным в сентябре 1918 г. на Уфимском совещании. Всероссийское правительство первоначально признавало за народами России право «на широкую автономию, обусловленную как географическими, экономическими, так и этническими признаками, а за теми национальными меньшинствами, которые не занимают отдельных территорий, право на культурно-национальное самоопределение». Однако, уже в ноябре было заявлено о необходимости упразднения всех областных автономных правительств. В грамоте Всероссийского правительства от 4 ноября 1918 г. что, «воссоздание областных управлений как результат признания Всероссийским правительством прав некоторых областей России на автономное управление должно предполагать предварительное точное и определенное ограничение верховной государственной властью компетенции областных управлений пределами вопросов областного значения» ([Этнополитические и этносоциальные процессы, 2016: 275-276](#)). Тогда же, в дополнение к общему распоряжению, был издан дополнительный указ в отношении Алаш-Орды, который упразднял казахскую автономию и передавал все государственное управление Совету Министров. Для исполнения указа от 4 ноября Министерством внутренних дел было образовано Межведомственное совещание, задачей которого стала выработка положения об управлении Степным краем. На совещании предполагалось обсудить ряд вопросов, связанных с земским и городским самоуправлением в регионе, административным устройством казахских территорий и устройством судебно-правовой системы. Однако, присутствующие на заседании казахи потребовали расширения сферы компетенции совещания, настаивая на включении вопросов – земельного и о национальной армии. В результате возникших разногласий, работа совещания была приостановлена и к согласию стороны так и не пришли. Последующий крах Уфимской Директории, которая оказалась слишком слабой коалицией и не смогла возглавить антибольшевистское движение, приход к власти адмирала Колчака, стал новым этапом в судьбе алашской автономии ([Этнополитические процессы, 2017: 256](#)). Позднее адмирал Колчак, выступавший против любого проявления автономизма и националистических тенденций, подтвердил ликвидацию Алаш-Орды.

Несмотря на сложные отношения с Всероссийским правительством, Алаш-Орда признавала верховную власть Колчака и была активным участником антибольшевистской борьбы в регионе. Алашевские отряды получали обмундирование и вооружение от белогвардейцев. В начале ноября 1918 г. Тургайский областной отдел Алаш-Орды приступил с согласия Оренбургского военного округа к организации второго «киргизского» конного полка. Нередко алашордынцы действовали самостоятельно, не получая поддержки от представителей белогвардейского движения. Так, представители Тургайского областного совета Алаш-Орды, в письме Колчаку летом 1919 г. описывая ситуацию, сложившуюся в Тургайском и Иргизском уездах летом – осенью 1918 г., подчеркивали, что «представители этих уездов – летом, осенью и зимой прошлого года (1918 г. – И.А.) обращались ко всем правительствам Российской республики и гражданским властям Тургайской области за помощью для борьбы с большевиками; они обращались к Временному сибирскому

правительству, в Самаре – к комитету членов Учредительного собрания, в Уфе – к директории, к Оренбургскому войсковому правительству, командующему Отдельной Оренбургской армией генерал-лейтенанту Дутову, отдельному Уральскому корпусу, чехословакам, но ниоткуда никакой помощи не получили» (*Иностранная интервенция, 1963: 313-314*). Дальнейшие военные события и выступления алашординских отрядов привели к свержению советской власти во всех уездах Тургайской области и объявлению власти Временного Всероссийского правительства, возглавляемого адмиралом Колчаком. Позднее Тургайский областной отдел Алаш-Орды просил Совет министров Временного Всероссийского правительства принять алашский полк на все виды довольствия, увеличить его численность и разрешить сформировать на добровольческих началах не менее 4-х полков по области при полном финансировании со стороны белогвардейского правительства. Однако, успехи в борьбе с Красной Армией были временными. Развитие дальнейших событий в регионе связано с изменением военно-стратегической ситуации во второй половине 1919 г. на фронтах гражданской войны, которая стала резко меняться в пользу Красной армии, что предопределило пересмотр алашевцами своих приоритетов и привело к завершению взаимодействия с белогвардейским движением.

5. Заключение

Таким образом, деятельность партии Алаш в годы Гражданской войны отражала стремление казахской национальной интеллигенции к реализации идеи о создании национально-территориальной автономии. В первые месяцы установления советской власти алашевцы не исключали возможности сотрудничества с большевиками, но, со временем стало очевидно, что предложенная советская модель государства не отвечала автономистским представлениям партии Алаш. В этих условиях алашевцы обратились к белогвардейскому движению, которое было представлено сразу несколькими течениями. Стремление к сотрудничеству с Временным сибирским правительством, КОМУЧем, Уфимской Директорией было вызвано необходимостью получить признание права казахов на образование национально-территориальной автономии. Однако, для белогвардейских правительств на первом месте стоял не национальный вопрос, а вопрос о организации государственной власти, что и послужило основой идейного расхождения алашевцев с белогвардейцами. Установление власти Всероссийского правительства во главе с А.В. Колчаком, выступавшем за воссоздание великодержавной России и исключавшем идею автономизма, привели к ликвидации Алаш-Орды. Не получив признания со стороны белогвардейских правительств, Алаш-Орда не смогла в полной мере реализовать идею о национально-территориальной автономии и вновь вернулась к идеи сотрудничества с Советской властью.

6. Благодарности

Исследование проведено при поддержке РФФИ, проект № 17-81-01007 «Социально-политические процессы в Степном крае и Туркестане в период Гражданской войны (1918–1922 гг.) и их отражение в исторической памяти населения постсоветских государств Центральной Азии».

Литература

Алаш-Орда, 1992 – Алаш-Орда: Сборник документов / Сост. Н. Мартыненко. Алма-Ата: Малое издательство "Айкап", 1992. 192 с.

Аманжолова, 2016 – Аманжолова Д.А. А.Н. Букейханов и проблемы политической консолидации казахского народа // *Мир Большого Алтая*. 2016. № 2-1. С. 213-226.

Аманжолова, 2009 – Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы: Издательский дом «Таймас», 2009. 412 с.

Аманжолова, 2013 – Аманжолова Д.А. Проблемы политического устройства автономии Алаш: идеология и практический опыт / *Алаш-Орда: истоки казахской государственности и современность*. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Усть-Каменогорск: Изд-во ВКГУ им. С. Аманжолова, 2013. С. 22-31.

- Анисимова, 2017** – Анисимова И.В. Становление советской власти в Казахстане и реализация политики коренизации административного аппарата в 1920–1926 гг. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2017. № 2(94). С. 21-27. DOI: <http://dx.doi.org/10.14258/izvasu>
- Гражданская война, 2014** – Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 816 с.
- Гудошников, 1959** – Гудошников М.А. Очерки по истории Гражданской войны в Сибири. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1959. 204 с.
- Дроков, 2009** – Дроков С.В. Адмирал Колчак и суд истории. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. 591 с.
- Жанбосинова, 2013** – Жанбосинова А.С. Краткая энциклопедия истории Алаш и Алаш орда. Усть-Каменогорск: Изд-во «Берель» ВКГУ им. С. Аманжолова, 2013. 204 с.
- Иностранная интервенция, 1963** – Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 685 с.
- Иоффе, 1986** – Иоффе Г.З. Колчаковщина и ее крах. М.: Мысль, 1986. 298 с.
- Кадырбаев, 2013** – Кадырбаев А.Ш. Идея панмонголизма от атамана Семенова и барона Унгерна до ее краха // *MONGOLICA*. 2013. № XI. С. 21-27.
- Нурпеисов, 1987** – Нурпеисов К.Н. Становление Советов в Казахстане (март 1917 г. – июнь 1918 г.). Алма-Ата: Наука, 1987. 238 с.
- Поляков, 1990** – Поляков Ю.А. Гражданская война в России (Поиски нового видения) // *История СССР*. № 2. 1990. С. 98-117.
- Поляков, 1992** – Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // *Отечественная история*. 1992. № 6. С. 32-41.
- Посадский, 2002** – Посадский А.В. Гражданская война в России под углом зрения политической конфликтологии // *Полис*. 2002. № 3. С. 72-80.
- Саблин, Коробейников, 2017** – Саблин И.В., Коробейников А.С. Досоветский автономизм в Сибири и Центральной Азии: Бурят-Монголия и Алаш-Орда в контексте имперского кризиса // *Восток*. 2017. № 2. С. 49-61.
- Селиверстов, 2008** – Селиверстов С.В. Алаш и Сибирь в 1918–1919 годах: позиция А. Букейханова и тенденции региональных отношений // *Мир Евразии*. 2008. № 1 (1). С. 22-27.
- Симонов, 2010** – Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 г. Новосибирск: НГУ, 2010. 612 с.
- Спирин, 1968** – Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне. М.: Мысль, 1968. 437 с.
- Сулейменова, 2017** – Сулейменова Д.Д. От Алаш-Орды к независимости Казахстана // *Проблемы современной науки*. 2017. № 27. С. 54–60.
- Сушко, 2008** – Сушко А.В. Гражданская война в Сибири. Национально- политический аспект // *Вопросы истории*. 2008. №5. С. 98–104.
- Шиловский, 2003** – Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
- Шишкин, 2011** – Шишкин В.И. Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства // *Известия Уральского государственного университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 110-123.
- Этнополитические и этносоциальные процессы, 2016** – Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. Барнаул: АЗБУКА, 2016. 459 с.
- Этнополитические процессы, 2017** – Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г.: монография / отв.ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. 384 с.
- Amanzholova, 2015** – Amanzholova D.A. From the History of Interaction of Provisional Siberian Government and Alash-Orda // *Russkaya Starina*, 2015, Vol.(13), Is. 1, pp. 5-18.
- Lysenko et al., 2017** – Lysenko Y.A., Demchik E.V., Anisimova I.V., Bochkareva I.B. Modernization and Traditionalism through the Prism of the Events of the 1916 Rebellion in Central Asian Border Regions of Russia // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43. Is. 1. pp. 317-325.

References

- [Alash-Orda, 1992](#) – Alash-Orda: Sbornik dokumentov [Alash-Orda: Collection of documents]. Sost. N. Martynenko. Alma-Ata: Maloe izdatel'stvo "Aikap", 1992. 192 p. [in Russian]
- [Amanzholova, 2009](#) – *Amanzholova D.A.* (2009). Na izlome. Alash v etnopoliticheskoj istorii Kazakhstana [On the break. Alash in the ethno-political history of Kazakhstan]. Almaty: Izdatel'skij dom "Taimas". 412 p. [in Russian]
- [Amanzholova, 2013](#) – *Amanzholova D.A.* (2013). Problemy politicheskogo ustroystva avtonomii Alash: ideologija i praktičeskij opyt [Problems of the political system of Alash autonomy: ideology and practical experience]. *Alash-Orda: istoki kazakhskoj gosudarstvennosti i sovremennost'*. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferentsii. Ust'-Kamenogorsk: Izd-vo VKGU im. S. Amanzholova. pp. 22–31. [in Russian]
- [Amanzholova, 2015](#) – *Amanzholova D.A.* From the History of Interaction of Provisional Siberian Government and Alash-Orda. *Russkaya Starina*, 2015, Vol.(13), Is. 1, pp. 5-18.
- Amanzholova, 2016* – *Amanzholova D.A.* (2016) A.N. Bukeikhanov i problemy politicheskoi konsolidatsii kazakhskogo naroda [A.N. Bukeikhanov and problems of political consolidation of the Kazakh people]. *Mir Bol'shogo Altaia*. № 2-1. P. 213–226. [In Russian]
- [Anisimova, 2017](#) – *Anisimova I.V.* (2017). Stanovlenie sovetskoj vlasti v Kazakhstane i realizatsiia politiki korenizatsii administrativnogo apparata v 1920–1926 gg. [Formation of the Soviet power in Kazakhstan and realization of policy of indigenization of administrative facilities in 1920-1926]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 2(94). pp. 21–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.14258//izvasu>
- [Drokov, 2009](#) – *Drokov S.V.* (2009). Admiral Kolchak i sud istorii [Admiral Kolchak and the court of history]. M.: ZAO Tsentrpoligraf. 591 p. [in Russian]
- [Etnopoliticheskie i etnosotsial'nye protsessy, 2016](#) – Etnopoliticheskie i etnosotsial'nye protsessy v tsentral'noaziatskikh okrainakh Rossii v period revoliutsii 1917 g. i pervye gody sovetskoj vlasti. Dokumenty i izvlecheniia [Ethno-political and ethnosocial processes in the Central Asian suburbs of Russia during the revolutions of 1917 and the first years of Soviet power. Documents and extracts] (2016). Barnaul: AZBUKA. 459 p. [in Russian]
- [Etnopoliticheskie protsessy, 2017](#) – Etnopoliticheskie protsessy v tsentral'noaziatskikh okrainakh Rossii v period revoliutsii 1917 g.: monografiia [Ethno-political processes in the Central Asian suburbs of Russia during the revolutions of 1917: monograph]. Otv.red. Iu.A. Lysenko. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. 2017. 384 p. [in Russian]
- [Grazhdanskaia voina, 2014](#) – Grazhdanskaia voina v Rossii i musul'mane. Sbornik dokumentov i materialov [Civil war in Russia and Muslims. Collection of documents and materials] (2014). M.: Tsentr strategicheskoi kon"iunktury. 816 p. [in Russian]
- [Gudoshnikov, 1959](#) – *Gudoshnikov M.A.* (1959). Ocherki po istorii Grazhdanskoi vojny v Sibiri [Essays on the history of the Civil War in Siberia]. Irkutsk: Irkutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 204 p. [in Russian]
- [Inostrannaia interventsii, 1963](#) – Inostrannaia voennaia interventsii i Grazhdanskaia voina v Srednei Azii i Kazakhstane [Foreign military intervention and the Civil War in Central Asia and Kazakhstan]. Vol. 1. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1963. 685 p. [in Russian]
- [Ioffe, 1986](#) – *Ioffe G.Z.* (1986). Kolchakovshchina i ee krakh [Kolchakivshchina and its collapse]. M.: Mysl'. 298 p. [in Russian]
- [Kadyrbaev, 2013](#) – *Kadyrbaev A.Sh.* (2013). Ideia panmongolizma ot atamana Semenova i barona Ungerna do ee krakha [The idea of panmongolism from Ataman Semenov and baron Ungern to its collapse]. *MONGOLICA*. № XI. pp. 21-27. [in Russian]
- [Lysenko et al., 2017](#) – *Lysenko Y.A., Demchik E.V., Anisimova I.V., Bochkareva I.B.* (2017) Modernization and Traditionalism through the Prism of the Events of the 1916 Rebellion in Central Asian Border Regions of Russia. *Bylye Gody*. Vol. 43. Is. 1. pp. 317-325.
- [Nurpeisov, 1987](#) – *Nurpeisov K.N.* (1987). Stanovlenie Sovetov v Kazakhstane (mart 1917 g. – iiun' 1918 g.) [Formation of the Soviets in Kazakhstan (March 1917 – June 1918)]. Alma-Ata: Nauka. 238 p. [in Russian]
- [Poliakov, 1990](#) – *Poliakov Iu.A.* (1990). Grazhdanskaia voina v Rossii (Poiski novogo videniia) [Civil War in Russia (Search for a new vision)]. *Istoriia SSSR*. № 2. pp. 98-117. [in Russian]

Poliakov, 1992 – *Poliakov Iu.A.* (1992). Grazhdanskaia voina v Rossii: vznik i eskalatsiia [Civil war in Russia: the rise and escalation]. *Otechestvennaia istoriia*. № 6. pp. 32-41. [in Russian]

Posadskii, 2002 – *Posadskii A.V.* (2002). Grazhdanskaia voina v Rossii pod uglom zreniia politicheskoi konfliktologii [Civil war in Russia from the standpoint of political conflictology]. *Polis*. № 3. pp. 72-80. [in Russian]

Sablin, Korobeinikov, 2017 – *Sablin I.V., Korobeinikov A.S.* (2017). Dosovetskii avtonomizm v Sibiri i Tsentral'noi Azii: Buriat-Mongoliia i Alash-Orda v kontekste imperskogo krizisa [Pre-Soviet autonomy in Siberia and Central Asia: Buryat-Mongolia and Alash-Orda in the context of the imperial crisis]. *Vostok*. № 2. pp. 49-61. [in Russian]

Seliverstov, 2008 – *Seliverstov S.V.* (2008). Alash i Sibir' v 1918–1919 gg.: pozitsiia A. Bukeikhanova i tendentsii regional'nykh otnoshenii [Alash and Siberia in 1918–1919: A. Bukeikhanov's position and the tendency of regional relations]. *Mir Evrazii*. № 1 (1). pp. 22-27. [in Russian]

Shilovskii, 2003 – *Shilovskii M.V.* (2003). Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 gg. [Political processes in Siberia during the period of social cataclysms in 1917–1920]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. 428 p. [in Russian]

Shishkin, 2011 – *Shishkin V.I.* (2011). Vzaimootnosheniia Alash-Ordy i Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva [Mutual relations of the Alash-Orda and the Provisional Siberian government]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. № 4. pp. 110-123. [in Russian]

Simonov, 2010 – *Simonov D.G.* (2010). Belaia Sibirskaiia armia v 1918 g. [White Siberian Army in 1918]. Novosibirsk: NGU. 612 p. [in Russian]

Spirin, 1968 – *Spirin L.M.* (1968). Klassy i partii v Grazhdanskoi voine [Classes and parties in the Civil War]. M.: Mysl'. 437 p. [in Russian]

Suleimenova, 2017 – *Suleimenova D.D.* (2017). Ot Alash-Ordy k nezavisimosti Kazakhstana [From Alash-Orda to the independence of Kazakhstan]. *Problemy sovremennoi nauki*. № 27. pp. 54-60. [in Russian]

Sushko, 2008 – *Sushko A.V.* (2008). Grazhdanskaia voina v Sibiri. Natsional'no-politicheskii aspekt [Civil war in Siberia. National-political aspect]. *Voprosy istorii*. № 5. pp. 98-104. [in Russian]

Zhanbosinova, 2013 – *Zhanbosinova A.S.* (2013). Kratkaia entsiklopediia istorii Alash i Alash orda [Brief encyclopedia of Alash history and Alash horde]. Ust'-Kamenogorsk: Izd-vo "Berel" VKGU im. S. Amanzholova. 204 p. [in Russian]

Взаимоотношение Алаш-Орды и белогвардейского движения в 1918–1919 гг.: от сотрудничества к противостоянию

Инна Владимировна Анисимова ^{а, *}

^а Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ участия Алаш-Орды в событиях Гражданской войны 1918–1922 гг. через призму ее взаимоотношений с белогвардейским движением. Октябрьские события 1917 г. и приход к власти большевиков были встречены алашевцами с осторожностью, а советская модель государства не отвечала их требованиям о национально-культурной автономии. В этих условиях лидеры Алаш-Орды вступили во взаимодействие с белогвардейским движением в лице Временного сибирского правительства, самарского Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, уфимской Директории. Вместе с белогвардейскими отрядами алашевцы принимали активное участие в военных действиях против большевиков. Однако, ни одно из белогвардейских правительств так и не признало официально автономию казахов. Приход к

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iva0410@mail.ru (И.В. Анисимова)

власти Всероссийского правительства во главе с Колчаком и его идеями о восстановлении великодержавной России привел к ликвидации областных автономий. Это обстоятельство существенно повлияло на дальнейшую судьбу Алаш-Орды и привело, в итоге, к признанию алашевцами Советской власти.

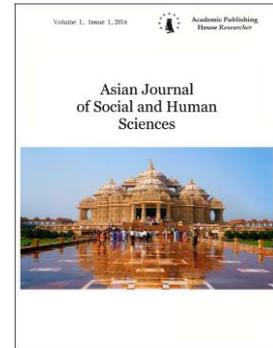
Ключевые слова. Алаш-Орда, революция, гражданская война, национально-территориальная автономия, Россия, Степной край, белогвардейское движение.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Asian Journal of Social and Human Sciences
Has been issued since 2016.
E-ISSN 2500-3763
2018, 3(1): 13-21

DOI: 10.13187/ajshs.2018.3.13
www.ejournal45.com

The Features of the Activities of the Kyrgyz Orthodox Missions of the Steppe Region and Turkestan (80's of the XIXth and the beginning of the XXth centuries)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, *}

^a Altai State University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

Abstract

The analysis of the main activities of the Kyrgyz Orthodox mission established in the 80s of the XIX century in Orenburg, Turkestan and Omsk eparchies is represented in the article. The main goal of the missions was to stop the Islamization of the Kazakh nomadic society and to promote of Christianity. To achieve this goal, missions made significant efforts to create infrastructure and stuffing. These efforts allowed to deploy the wide Orthodox promotion in the Steppe region and to create a network of missionary villages, schools, libraries for newly – christened Kazakhs. However, in the conditions of the mass migration of Russian peasants from the European part of the country to the Steppe region and the lack of a developed parish system of the Russian Orthodox Church in the region, the missionaries of the Kyrgyz missions had to shift the emphasis in their activities towards fulfilling the duties of parish priests. This circumstance did not allow full accomplishing the tasks assigned to the Kyrgyz missions and significantly reduce religious promotion among the Kazakh population.

Keywords: Russian Orthodox Church, Turkestan, Steppe Region, missionary work, Kazaks, peasant migrants.

1. Введение

На протяжении последних десятилетий в российской и зарубежной историографии активно разрабатываются вопросы политики России в ее национальных окраинах. В рамках имперского дискурса обращается внимание на тот факт, что применительно к отдельным этнорегионам – Польше, Кавказу, Сибири, Степному краю или Туркестану – выстраивалась индивидуальная модель отношений центра-периферии, учитывающая их экономический и демографический потенциал, конфессиональную ситуацию, уровень этнической консолидации и т.д. (Дякин, 1998; Капеллер, 2000; Ланда, 1995; Садвокасова, 2005; Тихонов, 2008). Однако при всем многообразии практик взаимодействия с национальными окраинами, стратегически они были направлены на сохранение территориальной целостность империи, противодействие регионализму и сепаратистским тенденциям. Решение данной задачи мылилось только при условии инкорпорации национальных окраин России в политико-правовое, социально-экономическое и культурное пространство империи.

Идеологической скрепой политики инкорпорирования стал отказ от национализма и провозглашение принципов сохранения религиозно-культурной специфики российских

---

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Y.A. Lysenko)

народов при активном распространении среди них на законодательном и административном уровне православия, русского языка и культуры (Батунский, 2003). На практике политика русификации в некотором смысле приняла тотальный характер и, как отмечал российский исследователь А.Ю. Арапов, «два последних десятилетия XIX в., совпавшие по времени с царствованием Александра III и первыми годами правления Николая II, стали временем торжества охранительной политики «православного консерватизма» (Ислам в Российской..., 2001: 24). При сохранении прежних установок, признающих полиэтничность облика России и проведении политики веротерпимости, значительно возросла роль православной церкви и активизировалась ее миссионерская деятельность среди многочисленных народов империи. Православное миссионерство, в том числе в отношении казахского кочевого населения Степного края и Туркестана, стало рассматриваться как составная часть имперской национально-интеграционной политики.

2. Материалы и методы

Для определения особенностей и своеобразия деятельности Киргизских православных миссий Степного края и Туркестана использовались материалы делопроизводства миссий, отложившиеся в центральных и региональных архивах Российской Федерации (РГИА, ГАОО, ГАОрО), а также Центральном государственном архиве Республики Казахстан. Наиболее информативным источником делопроизводства стали ежегодные Отчеты о деятельности Киргизских миссий, в которых содержится информация об их инфраструктурном и кадровом развитии, описываются методы и формы работы среди казахского кочевого населения, приводятся данные о численности новообращенных и проблемах их социокультурной адаптации. Записки миссионеров Киргизских миссий, их отчеты о миссионерских поездках, наблюдения за жизнью новообращенных публиковались на страницах епархиальных периодических изданиях – Омских, Оренбургских, Туркестанских епархиальных ведомостях. Данные материалы также были использованы при подготовке статьи.

В работе применялись историко-генетический метод, позволивший реконструировать причины организации миссионерства Русской православной церкви в Степном крае и Туркестане, а также историко-сравнительный, направленный на определение особенностей деятельности миссий.

3. Обсуждение

Проблема взаимодействия государства с многочисленными народами Российской империи стала одним из ключевых сюжетов российской историографии. В дореволюционный период изучение этого вопроса мотивировалось сугубо практическими соображениями. Поэтапное включение в состав империи регионов компактного проживания мусульманского и языческого населения требовало от представителей научных кругов комплексного изучения его материальной и духовной культуры, религиозной системы, выявления экономического и военного потенциала, целесообразности присоединения в рамках общегосударственных интересов. В отношении казахского кочевого сообщества исследователи акцентировали внимание на вопросах его исламизации. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Степном крае не стала предметом специального научного исследования. Лишь отдельные ее сюжеты косвенно освещались в фундаментальных трудах Н.М. Чернавского, И. Голошубина, посвященных истории Русской православной церкви в Степном крае и Туркестане (Голошубин, 1914; Чернавский, 1902).

В советский период атеистический курс государства исключал возможность объективного исследования истории российского православия. Интерес к истории РПЦ и ее миссионерства возник в 90-е гг. XX в. на волне формирования методологического плюрализма. Большая часть российских ученых, занимающихся данной темой, рассматривает православное миссионерство как составную часть интеграционной политики государства в отношении народов национальных окраин. Ими реконструирована история отдельных православных миссий – Алтайской, Обдорской, Камчатской, Забайкальской, – действовавших в этнорегионах, биографии их руководителей и служителей, основные направления деятельности. В целом исследователи позитивно оценивают вклад миссий в

социо-культурное развитие народов Азиатской России и их интеграции в общеимперское пространство (Ерошеев, Кимеев, 1995; Мавлютина, 2001; Крейдун, 2008; Софронов, 2005).

Отдельные сюжеты истории православного миссионерства среди казахского населения Степного края нашли отражение в работах казахских и российских исследователей (Лысенко, 2010; Горбунова, 2003; Тасмагамбетов, 1996). Однако многие аспекты ее деятельности еще предстоит выявить. Данная статья являет собой попытку восполнить существующий в историографии пробел.

4. Результаты

Деятельность трех православных Киргизских миссий среди казахского населения Степного и Туркестанского генерал-губернаторства была организована в 70–90-е гг. XIX в. (Лысенко, 2010: 56–88). Административно они подчинялись Омским, Оренбургским и Туркестанским епархиальным властям. В учредительных документах Киргизские православные миссии получили название «антиисламских». Таким образом, определялась конкретная цель их деятельности: в условиях роста общероссийского мусульманского движения во второй половине XIX в., оценивавшегося политическими кругами России как дестабилизирующий фактор, необходимо было вычленив из него казахское население и оказать противодействие усилению роли ислама в степи. Православная идеология рассматривалась как альтернатива исламу.

Действительно, в первые годы функционирования Киргизских миссий, их служащие активно вели православную пропаганду среди казахского населения, занимались переводом богословской литературы на казахский язык и ее распространением среди населения. В условиях кочевого образа жизни казахов основным средством проведения религиозной пропаганды миссионеров стали так называемые разъезды по степи. Посещая располагавшиеся на значительном расстоянии друг от друга казахские аулы, служащие Киргизских миссий иногда проводили в пути по несколько недель.

Важной должностной обязанностью православных миссионеров являлось проведение обряда крещения казахов и наблюдение за их дальнейшей религиозно-нравственной жизнью. С этой целью новокрещенных, как правило, компактно селили в специально создаваемых миссионерских станах – поселках миссий. Здесь миссионеры призваны были оказывать посильную, в том числе, материальную помощь в приобщении крещенных казахов к земледельческому труду и оседлому образу жизни.

К концу XIX в. в ведении Киргизской миссии Омской епархии входило десять станов. Шесть из них – Буконьский, Большенарымский, Долонской, Шульбинский, Заречная слобода (г. Семипалатинск), Черноярский располагались на территории Семипалатинской области, остальные – Атбасарский, Александровский, Еленинский и Татарский станы – в Акмолинской области Степного генерал-губернаторства (Отчет Киргизской миссии..., 1902: 26). В Киргизской миссии Оренбургской епархии числилось пять станов – Богодуховский, располагался недалеко от г. Оренбурга, Александровский, Макарьевский и Актюбинский станы – в Тургайской и Чиликтинский – в Уральской областях (ГАОРО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5. Л. 103об.–106 об.). В Туркестанской епархии, на территории Семиреченской области функционировал один Сарканский миссионерский стан (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 299).

Важным направлением деятельности Киргизских миссий стало миссионерское школьное строительство. Школам такого типа государство отводило значительную роль в реализации задач русификации инородческого населения Российской империи. Организация учебного процесса в них осуществлялась в рамках методики, разработанной идеологом православного миссионерства, преподавателем Казанской духовной академии, профессором Н.И. Ильминским. Методика была нацелена на воспитание учащихся-инородцев в духе христианской идеологии, посредством включения в учебный процесс не только образовательных, но и церковных дисциплин. Преподавание в миссионерских школах велось на родных языках инородцев, однако обязательным было изучение русского языка. Конечным результатом обучения в миссионерских школах являлось воспитание кадров для православных миссий из инородческой среды.

Киргизские миссии Степного края прилагали значительные усилия на организацию миссионерских школ. Этот процесс осуществлялся параллельно с открытием станов миссий.

На их территории велось строительство школьных помещений, подбирались учительские кадры, формировались библиотечные фонды. Учитывая особенности хозяйственного уклада казахов-кочевников, для их детей при миссионерских школах создавались интернаты. А них ученики проживали в течение всего учебного года, причем все расходы на содержание оплачивала миссия. Не менее важной особенностью организации деятельности миссионерских школ стало совместное обучение русских и казахских детей. Это должно было обеспечить более успешную русификацию последних.

Таким образом, на начальном этапе деятельности Киргизскими миссиями Степного края и Туркестана были предприняты все шаги, направленные на реализацию возложенных на них задач. Однако уже в первые годы функционирования миссий, в содержание их работы были внесены значительные коррективы. Причиной стала массовая миграция крестьян из европейских губерний России в Степной край. Именно в 80–90-е гг. XIX в. был принят ряд законопроектов – «Временные правила о переселении крестьян» и «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли», которые легализовали крестьянское переселение и простимулировали его посредством введения ряда льгот. В начале XX в. Столыпинская аграрная реформа вызвала вторую волну миграций аграрного населения в Азиатскую часть империи. «Правила о добровольном переселении на казенные земли в области Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую» от 10 июня 1903 г. открыли для переселенцев Туркестан. Всего за период с 1971 по 1916 гг. в Степной край и Туркестан прибыло около 9 млн чел., что составило 18,02 % от общей численности переселенцев в Азиатскую Россию.

Процесс адаптации крестьян на новом месте жительства сопровождался комплексом проблем различного порядка, одной из которых стало отсутствие в регионе возможностей для реализации религиозно-нравственных потребностей. Церкви, построенные в Степном крае в XVIII - первой половине XIX в., к началу XX в. обветшали. Храмовое, церковно-приходское и церковно-школьное строительство осуществлялись крайне медленными темпами. Духовная консистория Омской епархии, созданной в 1895 г., к 1902 г. даже не имела собственного помещения и располагалась в наемной квартире (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1965. Л.120б.). Большинство церквей епархии по сообщению Епископа Омского и Семипалатинского Сергия в 1906 г. «по своему внешнему виду не величественны, скромны, малопоместительны и чрез то производят на редкого посетителя удручающее впечатление» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2161. Л. 10б.). В Оренбургской епархии в начале XX в. насчитывалось 502 приходских церкви, 74 безприходских церкви и 238 молитвенных дома. Из этого количества на Уральскую и Тургайскую области, приходы которых причислялись к этой епархии, приходилось всего 13 церквей (Чернавский, 1902: 337).

Аналогичная ситуация имела место и в Туркестанском генерал-губернаторстве. Из казны Синода на церковные нужды края поступали ограниченные средства. Православное население 65 сельских приходов Туркестанской епархии, имевшихся к началу XX в., было сгруппировано вокруг уездных городов, в то время как многие вновь созданные переселенческие поселки располагались на значительном расстоянии от этих центров. Причты туркестанских приходов были неукомплектованы, а «убогая и скудная внешность здешних православных церквей, по своему резкому контрасту с грандиозными монументальными зданиями мечетей и медресе, – как отмечали местные туркестанские власти, – не может не производить слишком глубокого и крайне невыгодного для нас впечатления» (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5626. Л. 5–50б.).

Слабое развитие церковно-приходской системы в регионе и, как следствие, отсутствие возможности для исполнения в полном объеме религиозных обрядов и треб, способствовали падению авторитета церкви и росту влияния местного мусульманства населения на бытовую и религиозно-нравственную жизнь переселенцев. Данную тенденцию фиксировали и служащие Киргизских миссий. Например, глава Актюбинского стана Киргизской миссии Оренбургской епархии священник Ф. Соколов неоднократно в «отчетах и деятельности» отмечал, что православные крестьяне-переселявшиеся, прожив несколько лет в окружении казахов-кочевников переставали соблюдать посты, молиться. Аккультурация наблюдалась и на бытовом уровне – обстановка внутри жилищ «чисто мусульманская – впереди разостлана кошма вместо русских столов и лавок, в углу вмазан киргизский казан (котел) и питаются они по-киргизски похлебкой, сваренной из пшеничной крупы, называемой по-киргизски

«коже», а о русском калаче вообще забыли, да и негде его печь за неимением печи русской» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Кн. I. Д. 1426. Л. 73об.).

Кроме того, Ф. Соколовым фиксировались случаи нравственного падения нравов. Так, русские «женщины и девицы, которые по разным причинам принуждены бывают жить в киргизских аулах ...сожительствуют с киргизами-мухамеданами, а потом переходят в ислам, хотя такие случаи пока единичны» (ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 183а. Л. 267об.). Указывались факты незаконного совместного проживания мужчин и женщин, многоженства «по примеру киргиз», незаконного рождения детей. «Дети, – по свидетельству Ф. Соколова, – растут в полном неведении своей веры родной, но и народности, и совсем окиргизиваются. ...Даже взрослые из них – лет 16–17 не знают молитв и перекреститься не умеют, и крестов и поясов не носят, говорят по-киргизски, в землянках сидят в шапках, и вообще ничем не отличаются от киргиз» (ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 8. Л. 200б. – 210б.). В некоторых аулах Ф. Соколов встречал русских детей, вообще не знающих родной язык, говорящих только на казахском и обучающихся «у мулл магометанскому вероучению» (ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5а. Л. 5).

Случаи перехода крестьян-переселенцев, особенно женщин, из православия в ислам фиксировались и в Туркестанской епархии. В этой связи в Туркестанских ведомостях отмечалось: «страшная развращенность туземцев, сравнительно богатая и беспечная жизнь у них, благодаря земельным и имущественным угодьям, бездеятельная гаремная жизнь, потому что туземные женщины ничего не делают, а все доставляют мужья – все это начинает нравиться русской женщине и она чувствует себя прекрасно, забывая, что попала в губительный рай» (ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5а. Л. 5).

Епархиальные власти Степного края были прекрасно осведомлены о начавшихся процессах аккультурации русского православного населения казахским мусульманским. Эта проблема неоднократно обсуждалась на заседаниях Консисторий и Епархиальных комитетов православного миссионерского общества. Предлагались различные варианты решения данной проблемы. В частности, предпринимались всевозможные усилия по развитию церковно-приходского строительства в регионе, решению кадровой проблемы, организовывалась работа «разъездных причтов», направлявшихся в отдаленные переселенческие поселки для совершения религиозных обрядов и т.д. В конце XIX в., в связи со строительством железной дороги в Туркестанском крае, были запущены в действие вагоны-церкви. Об их передвижении заранее сообщалось в Туркестанских епархиальных ведомостях, и жители близлежащих деревень и станиц собирались к церкви-вагону для совершения религиозных служб.

Одним из результатов этой сложной ситуации стало и смещение акцентов в работе Киргизских миссий Степного края и Туркестана. Основной задачей их деятельности становилось теперь ограничение влияния ислама на русское православное население, миссионерская работа среди него и закрепление в православной вере. Образованные станы и поселки Киргизских миссий для новокрещенных очень быстро стали смешанными в этническом плане – «...переселенцы-крестьяне при крайней скудности церквей..., усиленно стремились селиться при миссионерских церквях», а миссионеры-священники вынуждены были выполнять и обязанности приходских священников (Отчет о состоянии Киргизской..., 1899).

Показательна в этой связи, ситуация, сложившаяся в Александровском стане Киргизской миссии Омской епархии. В 1911 г. здесь на попечение священника А. Иовлева, наряду с миссионерскими функциями, было возложено отправление религиозных треб для жителей 14 переселенческих поселков. Долонской стан включал 12 казахских поселков, 3 крестьянские и 2 татарские деревни, а также Аккульскую, Бескарагайскую, Малыбаевскую, Сентаневскую, Айчыржалскую, Кентюбекскую казахские волости. Обязанности приходского священника в Омской епархии выполнял и миссионер Большенарымского стана, «...что отвлекало его от своих прямых обязанностей» (ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 60. Л. 10б.).

По данным «Отчетов о деятельности» служащих Киргизской миссии Омской епархии, славянское население увеличивалось в станах с каждым годом. В 1901 г. паству миссии составляли 4633 человека, из которых русских – 4121, казахов – 512 человек, в 1907 г. этот показатель возрос до 8006 человек, из которых 7716 – русские и 290 – крещенные казахи,

в 1909 г. – 13333, 12837 и 296 соответственно. Таким образом, большинство паствы Киргизской миссии Омской епархии составляли крестьяне-переселенцы, а не новообращенные казахи. Миссионеры фактически не имели возможности прилагать «все старания ...на служение именно миссии». Они фактически перестали уделять внимание изучению казахского языка, переводу миссионерской литературы, обустройству быта новокрещенных казахов и т.д. (ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 115. Л. 70б.).

Аналогичная ситуация имела место в Киргизской миссии Оренбургской епархии. В конце XIX в. миссионер Макарьевского стана Г. Крашенинников настаивал на открытии второго штата причта, поскольку со времени образования стана в его состав постепенно вошло и русское население. Его приход состоял из поселков Макарьевского, Степановского и Михайловского, с населением общей численностью около 2000 человек. Помимо этого, с просьбами об исполнении треб к миссионеру обращались и русские жители окрестных заимок, находящихся в степи вдали от поселков. В заведывании миссионера находились также макарьевская миссионерская школа с интернатом, Макарьевская женская церковно-приходская, школа грамоты и Степановская женская церковно-приходская школа. Г. Крашенинников подчеркивал, что заведывать Макарьевским станом, в котором числилось «до 22 семей новокрещенных киргиз» и тем более совершать поездки по окрестным аулам хотя бы один раз в год» ему совершенно не осталось времени (ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5. Л. 182об.–183об.).

Наплыв крестьян-переселенцев в станы Киргизских миссий трансформировал и суть миссионерских школ. Преобладающим в этническом плане контингентом учащихся в них стали дети русских крестьян-переселенцев или казаков. Это, в свою очередь, потребовало изменения системы обучения и методики: от воспитания кадров Киргизских миссий из представителей местной этнической среды – казахов – пришлось отказаться. Помимо богословских дисциплин в учебный процесс внедрялись дисциплины светской направленности, например, арифметика, география и история, столярное мастерство, призванные подготовить выпускников «ко взрослой жизни». Как свидетельствуют архивные данные, все эти обстоятельства делали миссионерскую школу еще менее популярной среди казахского населения. С начала XX в. наблюдалась устойчивая тенденция поступления казахских детей в школы Министерства народного просвещения.

5. Заключение

Таким образом, нерешенность проблемы удовлетворения религиозно-нравственных потребностей православных жителей Степного края и Туркестана, их концентрация в миссионерских станах объективно способствовала смещению акцентов в работе миссионеров Киргизских православных миссий и постепенному сведению на нет миссионерской работы среди казахского населения. Возможности целенаправленно и систематично заниматься антиисламской работой и пропагандой православия среди казахов-кочевников миссионеры были лишены. Свидетельством данного тезиса является крайне низкие количественные показатели обращения казахов в лоно Русской православной церкви. Председатель Православного миссионерского общества в отчете за 1912 г. отмечал: «Киргизская миссия Омской епархии не может быть названа в строгом смысле инородческою, так как она обслуживает по преимуществу религиозные нужды русского населения, приток которого из Европейской России в области Семипалатинскую и Акмолинскую еще продолжается. ... Собственно инородческая поставка миссии представляется незначительною. За все 19 лет существования Киргизской миссии в самостоятельном виде ею было приобретено для церкви христовой 290 человек» (РИГА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1681. Л. 3).

Ситуация, связанная со значительной трансформацией цели и задач деятельности Киргизских миссий Степного края и Туркестана, позволяет поставить под сомнение и выводы некоторых современных казахстанских исследователей о тотальной духовной экспансии России в регионе в имперский период. Концепция имперской национальной политики, связанная с масштабной интеграцией многочисленных народов страны на основе русского языка, культуры и православия, безусловно, нашла воплощение в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах. Однако в процессе реализации она натолкнулась

на комплекс проблем, не позволивших в полном объеме обеспечить культурно-религиозную интеграцию казахского общества в общеимперское пространство.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 17-81-01007 «Социально-политические процессы в Степном крае и Туркестане в период Гражданской войны и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии (1918–1922 г.)».

Литература

- Батунский, 2003** – Батунский М.А. Россия и ислам. Ч. II. М.: Прогресс-традиция. 2003. 349 с.
- ГАОО** – Государственный архив Омской области
- ГАОрО** – Государственный архив Оренбургской области
- Горбунова, 2000** – Горбунова С.В. Крещеные казахи российской империи // *Центральная Азия и Сибирь*. Барнаул, 2000. С. 247-252.
- Дякин, 1998** – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. 1000 с.
- Ерошов, Кимеев, 1995** – Ерошов В.В., Кимеев В.М. Тропой миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово, 1995. 130 с.
- Ислам в Российской..., 2001** – Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Под ред. Д.Ю. Арапова. М., 2001. 367 с.
- Капеллер, 2000** – Капеллер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. 344 с.
- Крейдун, 2008** – Крейдун Г. Алтайская духовная миссия в 1830–1919 гг.: структура и деятельность. М., 2008. 200 с.
- Ланда, 1995** – Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. 312 с.
- Лысенко, 2010** – Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010. 193 с.
- Мавлютина, 2001** – Мавлютина Г.Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Тюмень, 2001. 180 с.
- Отчет Киргизской миссии..., 1902** – Отчет Киргизской миссии за 1901 г. // *Омские епархиальные ведомости*. 1902. № 11–12. 1–15 июня. С. 18–31.
- Отчет о состоянии Киргизской..., 1899** – Отчет о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1898 г. // *Омские епархиальные ведомости*. 1899. № 18. 15 сентября. С. 4–18.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- Садвокасова, 2005** – Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Алматы, 2005. 345 с.
- Софронов, 2005** – Софронов Ю.В. Три века сибирского миссионерства. Ч. 1–3. Тобольск, 2005.
- Тасмагамбетов, 1996** – Тасмагамбетов А.С. Из миссионерской деятельности православной церкви в Казахстане во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник высшей школы*. 1996. № 6. С. 81–84.
- Тихонов, 2008** – Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX вв. СПб., 2008. 353 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан
- Чернавский, 1902** – Чернавский Н.М. К истории Оренбургской епархии. Казань, 1902. Вып. 2. 1058 с.

References

- Batunskiy, 2003** – Batunskiy M.A. (2003). Rossiya i islam. Ch. II. [Russia and Islam. Part II]. Moscow, Progress-traditsiya, P. 349. [in Russian]
- GAOO** –Gosudarstvennyy arkhiv Omskoy oblasti [State archive of the Omsk region]. [in Russian]
- GAOrO** –Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti [State archive of the Orenburg region]. [in Russian]

Gorbunova, 2000 – *Gorbunova S.V.* (2000). Kreshchenyye kazakhi rossiyskoy imperii. [Baptized Kazakhs of the Russian Empire]. *Tsentralnaya Aziya i Sibir*, Barnaul, pp. 247-252. [in Russian]

Dyakin, 1998 – *Dyakin V.S.* (1998). Natsionalnyy vopros vo vnutrenney politike tsarizma (XIX – nachalo XX vv.) [National question in the domestic policy of tsarism (XIX – early XX centuries)]. Saint-Petersburg, P. 1000. [in Russian]

Eroshov, Kimeyev, 1995 – *Eroshov V.V., Kimeyev V.M.* (1995). Tropoyu missionerov. Altayskaya dukhovnaya missiya v Kuznetskom kraye. [The path of the missionaries. Altai spiritual mission in the Kuznetsk region]. Kemerovo, P. 130. [in Russian]

Islam v Rossiyskoy..., 2001 – Islam v Rossiyskoy imperii (zakonodatelnyye akty. opisaniya. statistika). Pod red. D.Yu. Arapova. [Islam in the Russian Empire (legislative acts. descriptions. Statistics)]. Moscow, 2001, P. 367. [in Russian]

Kapeller, 2000 – *Kapeller A.* (2000). Rossiya – mnogonatsionalnaya imperiya [Russia is a multinational Empire]. Moscow, P. 344. [in Russian]

Kreydun, 2008 – *Kreydun G.* (2008). Altayskaya dukhovnaya missiya v 1830-1919 gg.: struktura i deyatelnost [Altai spiritual mission in 1830-1919: structure and activity]. Moscow, P. 200. [in Russian]

Landa, 1995 – *Landa R.G.* Islam v istorii Rossii. [Islam in the history of Russia]. Moscow, 1995, p. 312. [in Russian]

Lysenko, 2010 – *Lysenko Yu.A.* (2010). Missionerstvo Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Missionary work of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (the second half of XIX – beginning of XX century)]. Barnaul, P. 193. [in Russian]

Mavlyutina, 2001 – *Mavlyutina G.Sh.* (2001). Missionerskaya deyatelnost Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Severo-Zapadnoy Sibiri (XIX – nachalo XX v.) [Missionary activity of The Russian Orthodox Church in Northwest Siberia (XIX – beginning of XX century)]. Tyumen. P. 180. [in Russian]

Otchet Kirgizskoy missii..., 1902 – Otchet Kirgizskoy missii za 1901 g. [Report of the Kyrgyz mission for 1901]. *Omskiye eparkhialnyye vedomosti*, 1902. № 11–12. 1–15 june, pp. 18-31. [in Russian]

Otchet Kirgizskoy missii..., 1899 – Otchet Kirgizskoy missii za 1898 g. [Report of the Kyrgyz mission for 1898]. *Omskiye eparkhialnyye vedomosti*, 1899, № 18, 15 september, pp. 4-18. [in Russian]

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [The Russian state historical archive]. [in Russian]

Sadvokasova, 2005 – *Sadvokasova Z.T.* (2005). Dukhovnaya ekspansiya tsarizma v Kazakhstane v oblasti obrazovaniya i religii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Spiritual expansion of tsarism in Kazakhstan in the field of education and religion (the second half of XIX – beginning of XX centuries)]. Almaty, P. 345. [in Russian]

Sofronov, 2005 – *Sofronov Yu.V.* (2005). Tri veka sibirskogo missionerstva. Ch. 1–3. [Three centuries of Siberian missionary work. Part 1–3]. Tobolsk. [in Russian]

Tasmagambetov, 1996 – *Tasmagambetov A.S.* (1996). Iz missionerskoy deyatelnosti pravoslavnoy tserkvi v Kazakhstane vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [From missionary activity of Orthodox Church in Kazakhstan in the second half XIX– the beginning of XX century]. *Vestnik vysshey shkoly*, № 6, pp. 81-84. [in Russian]

Tikhonov, 2008 – *Tikhonov A.K.* (2008). Katoliki. musulmane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII – nachale XX vv. [Catholics. Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of XVIII – early XX centuries]. Saint-Petersburg. P. 353. [in Russian]

TsGA RK – Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan]. [in Russian]

Chernavskiy, 1902 – *Chernavskiy N.M.* (1902). K istorii Orenburgskoy eparkhii [The history of the Orenburg diocese]. *Kazan*, №2, P. 1058. [in Russian]

Особенности деятельности Киргизских православных миссий Степного края и Туркестана (80 гг. XIX – начало XX вв.)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

Аннотация. В статье представлен анализ основных направлений деятельности Киргизских православных миссий, созданных в 80-е гг. XIX в. в Оренбургской, Туркестанской и Омской епархиях. Их основной целью должно было стать пресечение исламизации казахского кочевого общества и пропаганда христианства. Для реализации поставленной задачи Миссиями были предприняты значительные усилия, направленные на формирование инфраструктуры и кадрового состава. Это позволило развернуть широкую православную пропаганду в Степном крае и создать сеть миссионерских поселков, школ, библиотек для новокрещеных казахов. Однако в условиях массовой миграции русских крестьян-переселенцев из Европейской части страны в Степной край и отсутствия развитой церковно-приходской системы Русской православной церкви в регионе, миссионерам Киргизских миссий пришлось сместить акцент в своей деятельности в сторону выполнения обязанностей приходских священников. Это обстоятельство не позволило в полном объеме выполнить возложенные на Киргизские миссии задачи и значительно сократить религиозную пропаганду среди казахского населения.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Туркестан, Степной край, миссионерство, казахи, крестьяне-переселенцы.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)